НОВЕЛЛЫ УПК: НАЗАД К ДОСЛЕДОВАНИЮ?

В начале мая этого года вступил в силу Федеральный закон № 64-ФЗ, возвращающий возможность отправлять уголовное дело на доследование. Закон был неоднозначно воспринят общественностью. В СМИ уже прозвучали мнения о том, что это может фактически привести к увеличению сроков следствия, а соответственно, действия мер пресечения для лиц, виновность которых судом еще не установлена.

В современной России доследование широко применялось в период действия УПК РСФСР 1960 г. В ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства при подготовке УПК РФ было решено отказаться от возможности направления на доследование уголовного дела, если оно уже рассматривается в суде. Частичное восстановление этого института произошло под влиянием позиции КС РФ.

В какой мере произошедшая частичная реставрация доследования была неизбежной с учетом той роли, которую этот институт играет в отечественной уголовно-процессуальной системе? Какие уроки следует извлечь из закончившейся неудачей попытки полного отказа от доследования? Не приведут ли новые изменения к старым проблемам, которые в числе прочего стали причиной невключения данного института в УПК РФ? С такими вопросами мы обратились к экспертам.

Леонид Головко,

заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

— Представим себе ситуацию, с которой периодически сталкивается любая правовая система. В ходе качественно проведенного судебного разбирательства в результате активных действий его участников по представлению доказательств, допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т.п. суду становится понятно, что подсудимый совершил более тяжкое преступление, чем изначально вменялось ему в вину (не грабеж, а разбой и т.д.). При этом речь даже не всегда идет об ошибках следствия. Просто свидетели или потерпевшие изменили показания, адвокаты сторон нашли нужные вопросы, иначе говоря, мы столкнулись с тем судебным разбирательством, к которому стремимся и которое не штампует данные следствия, а выполняет свою миссию центральной стадии процесса. Как в такой ситуации быть суду, учитывая, что ст. 252 УПК РФ строго-настрого запрещает выходить при постановлении приговора за пределы обвинения в сторону его ухудшения?

Представим себе другую ситуацию, которая еще более типична и универсальна. В суде (первой, апелляционной, кассационной инстанции) выявились

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06

нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе предварительного расследования: обвиняемому не был вовремя предоставлен защитник, потерпевшему не дали ознакомиться с материалами дела и т.п. Как их исправить?

УПК РСФСР 1960 г. давал на эти вопросы простой ответ: в обоих случаях надо направить дело на дополнительное расследование, чтобы либо заменить обвинение на более тяжкое со всеми вытекающими для обвиняемого гарантиями, либо устранить допущенные нарушения уголовно-процессуального закона. Иначе говоря, механизм дополнительного расследования служил отечественным техническим средством реагирования на объективно возникающие проблемы. (Сравнительному праву известны и другие средства, каждое из которых имеет свои плюсы и минусы, например отказ от жестких пределов судебного разбирательства с правом суда самостоятельно квалифицировать деяние как в сторону улучшения, так и в сторону ухудшения положения обвиняемого; запрет ссылаться в суде на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на следствии, — их можно оспаривать только в порядке судебного контроля до поступления дела в суд; и др.)

Уникальность ситуации заключается в том, что составители УПК РФ, отказавшись от механизма дополнительного расследования, сопряженного с рядом известных негативных побочных эффектов, вовсе не предусмотрели никаких технических средств реагирования на обозначенные проблемы. Суды простонапросто оказались в тупике. Стоит ли удивляться, что вскоре ситуацию должен был спасать КС РФ известным Постановлением от 08.12.2003, с которого началось реанимирование доследования? Оставаясь долгое время на уровне судебной практики, сейчас оно завершилось приведением в какой-то более или менее соответствующий реальности вид ст. 237 УПК РФ.

Какие уроки из всего этого следует извлечь? Только один: увлекаясь идеологическими уголовно-процессуальными спорами со всеми их известными мечтаниями об англосаксонской состязательности в духе голливудских фильмов, где в сценариях ничего похожего на доследование, как правило, нет, не стоит забывать о рутинной и многим малоинтересной уголовно-процессуальной технике. Она свое всегда возьмет.

Не приведет ли восстановление доследования к старым проблемам? О каких проблемах идет речь? В советское время из 100% уголовных дел 89% завершались обвинительными приговорами, 1% — оправдательными, а в 10% случаев дело направлялось на доследование, где часто прекращалось. Основной недостаток спорного института сводился к подмене оправдания доследованием, что плохо. Доследование отменили. Выросло ли число оправдательных приговоров? Нет. Все стало проще: 99% обвинительных приговоров, 1% оправдательных. Так чего и кому в таком контексте следует опасаться?

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06

Генри Резник,

президент Адвокатской палаты г. Москвы, кандидат юридических наук

— Конечно, существуют разные риски, связанные со злоупотреблениями в ходе предварительного расследования, но принципиально другое.

Пока не восстановлено возвращение дела на доследование в связи с неполнотой предварительного следствия, я не вижу существенных рисков и нарушения принципа состязательности. Что действительно важно — это сохранить состязательность и не допустить превращения суда в орган, который будет восполнять недоработки следствия.

Это будет означать полный возврат к розыскному советскому процессу, когда суд выполняет функции уголовного преследования.

В Европе, кстати, прокурор может изменять обвинение в суде на более тяжкое, но речь не идет о сборе дополнительных доказательств — речь идет об исправлении ошибки квалификации уже в ходе судебного заседания, на котором делается перерыв, прокурор заявляет об изменении квалификации, после чего защите дается время для подготовки к этому новому обвинению. Я считаю такую модель вполне разумной.

Александр Халиулин,

директор НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор

— Говорить о том, что внесенными в УПК изменениями возвращено доследование в чистом виде, неправильно. Прежде всего потому, что доследование предполагает исследование новых доказательств в рамках уже рассматриваемого дела.

Отказ от института доследования в ходе работы над УПК РФ был плодом чересчур идеализированного представления разработчиков Кодекса о международных стандартах уголовного судопроизводства. В результате мы получили сложности правоприменения, которые создавали безвыходные ситуации, когда не достигались сами цели уголовно-процессуальной деятельности.

Между тем уголовно-процессуальный закон должен предлагать выход из всевозможных сложных ситуаций. Например, УПК Армении и Белоруссии предусматривают возможность переквалификации обвинения на стадии судебного разбирательства. Вообще это общеевропейский стандарт: гособвинитель во многих странах Европы имеет возможность изменить квалификацию в суде, и обвиняемому (подсудимому) дается возможность подготовиться к защите от нового обвинения прямо в судебном разбирательстве, для этого необязательно возвращать дело на доследование. Наша система уголовно-процессуального законодательства менее гибкая: переквалификация обвинения в сторону отягчения ответственности невозможна без возвращения уголовного дела прокурору, который, в свою очередь, направляет дело руководителю следственного органа для того, чтобы заново сформировать обвинительное заключение, при этом новые доказательства следователем не исследуются. В случае, например, когда в период судебного разбирательства при обвинении по ст. 111 УК РФ наступает смерть потерпевшего, иного выхода просто нет.

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06

Немного сложнее ситуация со вторым из предусмотренных УПК оснований направления дела на доследование — появлением новых и вновь открывшихся обстоятельств, которые были неизвестны суду в момент рассмотрения уголовного дела по существу. Ярким примером подобного рода переквалификации может быть случай выявления организатора и иных соучастников убийства уже после того, как исполнитель был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Фактически вступление обвинительных приговоров соучастникам в законную силу означает необходимость переквалификации обвинения исполнителю по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В этом случае вполне вероятно проведение дополнительных следственных действий и появление новых доказательств, но относящихся лишь к выявленным новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Пересмотр приговора в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ, по сути, может означать отмену всех принятых по уголовному делу решений судов, а значит, необходимость возобновления производства по делу. Если такая отмена связана с отягчающими наказание обстоятельствами, будет ли справедливым освобождение лица от уголовного наказания в силу скрытых от следствия и суда объективных факторов? Конечно же нет. Поэтому я считаю, что Конституционный Суд, а вслед за ним и законодатель вполне резонно нашли выход из сложившейся ситуации.

Алексей Куприянов,

адвокат, почетный адвокат РФ,
почетный юрист г. Москвы

— Я полностью поддерживаю новые изменения уголовно-процессуального права. Судебная практика и без изменения закона давно вернулась к норме, описанной сегодня в ч. 6.1 ст. 162 УПК РФ. Отказ от дополнительного расследования в условиях фактического запрета на оправдательные приговоры был ошибкой. Как это часто случается, прямое заимствование правил иностранного законодательства, посеянное по требованию прозападных правозащитников, не прижилось в отечественном правовом поле. Направление дела на доследование с указаниями суда, которые следователь не имел возможности выполнить ввиду невозможности добыть новые доказательства обвинения, являлось общепринятой формой прекращения уголовного преследования лиц, вина которых не была доказана, особенно по натянутым делам. После отмены доследования таких обвиняемых стали осуждать. Особенно это касается дел по хозяйственным преступлениям.

Справедливым представляется и появление при наступлении более тяжких последствий совершенного преступления процессуальной возможности утяжеления обвинения и соответствующего ужесточения наказания по вынесенным приговорам и тем паче на ранних стадиях уголовного процесса.

Кроме восстановления справедливости эта норма повлечет для потерпевших и практические последствия. Новое правило подвигнет обвиняемого на более позитивное и активное постпреступное поведение. Чтобы не допустить утяжеления последствий преступления, осужденный будет вынужден принимать меры к их предотвращению. Можно ходить к потерпевшему с фруктами в сельскую больницу, а можно отправить его лечиться за границу.

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06

Сергей Пашин,

профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ ВШЭ, член Независимого экспертно-правового совета, федеральный судья в отставке, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ

— Тексты, вышедшие из-под пера сочинителя, позволяют восстановить философию и логику его взглядов. Например, узаконение завещаний продиктовано подсознательной верой в бессмертие души. Что касается рассматриваемого закона, то в нем отразилось пренебрежение к суду, приговоры которого в данном случае объявлены предварительными. Законный и обоснованный в момент его постановления, приговор отныне может быть пересмотрен ввиду изменения ситуации. Избранное депутатами «право догоняющих последствий» стирает прежнее суждение, заменяя его новым, более суровым. Потерпевшему вместо защиты от преступления дарят сомнительную радость возмездия.

Между тем суд — это не бюрократическая процедура, а испытание и «предсказание» судьбы. Однажды произнесенный и вступивший в силу приговор не может произвольно заменяться другим, иначе нарушается принцип правовой определенности. Не строя догадок о возможном в будущем усугублении последствий преступного деяния, суд уже истолковал сомнения в пользу обвиняемого. Когда же эти сомнения *post factum* развеялись и последствия до конца проявились, судить сызнова уже поздно. Приговор в данном случае был основан не на шатком основании лжесвидетельства и фальсификации (повод для процедуры вновь открывшихся обстоятельств), а на абсолютно верном отражении в процессе современных суду фактов, на презумпции невиновности. Именно поэтому правило *non bis in idem* понимается как запрет на повторный суд за уже рассмотренное и квалифицированное деяние.

Переписанный и ужесточенный приговор — все равно что взятое назад честное слово.

Никита Колоколов,

профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ ВШЭ, судья Верховного Суда РФ в отставке, доктор юридических наук

— По общему правилу пределы судебного разбирательства для стороны обвинения и, соответственно, для суда ограничены объемом обвинения, предъявленного органами предварительного расследования. Возможность увеличения данного объема в рамках судебного разбирательства концепция отечественного уголовного судопроизводства отвергает напрочь. Сказанное означает, что задолго до судебного разбирательства следователь обязан во всех деталях предвосхитить его ход и ни в коем случае не допустить занижения объема обвинения. Иными словами, сформулированное им обвинение обязано содержать запас прочности, ибо предварительным расследованием сбор доказательств по делу не завершается, так как в судебном разбирательстве сторона обвинения может получить данные, позволяющие ей констатировать факт доказанности обвинения гораздо большего объема, чем это было установлено ранее.

Ошибки в работе органов предварительного расследования неизбежны, следовательно, должен существовать механизм их исправления. В противном случае осуждение лица строго в рамках предъявленного обвинения, например по ст. 112 УК РФ, когда в суде объективно доказано, что виновный причинил тяжкий вред здоровью потерпевшего (ст. 111 УК РФ), не что иное, как насмешка над правосудием. Авторы УПК РФ 2001 г. от решения данной социально значимой проблемы самонадеянно уклонились. В уголовном су-

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06

допроизводстве нашлись силы, которые истолковали отсутствие регламента исправления следственных ошибок как торжество принципа диспозитивности. Факт игнорирования прав потерпевших во внимание не принимался. Воспользовавшись временной неразберихой, коррумпированные следователи и прокуроры стали умышленно закладывать в уголовные дела формально неисправимые ошибки, наличие которых влекло существенное уменьшение объема обвинения, а то и полное прекращение дел. Некоторым казалось, что форма восторжествовала над содержанием.

Общеизвестно также и то, что если законодатель не желает регламентировать алгоритм решения актуальной проблемы, то она разрешается практиками. В данном случае судами, и сейчас нам остается лишь констатировать, что «вымощенная» их решениями практика постепенно обретает форму закона. Закон № 64-ФЗ — не более чем легализация одобренного повседневной судебной практикой.

Просчет следователя с объемом обвинения — проблема разрешимая. Давно известны и способы выхода из данной лишь внешне тупиковой ситуации. Это традиционные для России формулирование обвинения «на вырост» и, в крайних случаях, полноценное дополнительное расследование. Миру известно и непривычное для нас — формулирование окончательного обвинения по результатам судебного следствия. Естественно, каждому из этих способов свойственны недостатки. Завышение объема обвинения — первый шаг по пути обвинительного уклона, возврат дела на дополнительное расследование — волокита. Формирование окончательного объема обвинения в суде — существенное ограничение прав стороны защиты, которая до самого последнего мгновения не знает, от чего ей предстоит защищаться.

Естественно, что реставрация института дополнительного расследования чревата обострением старых болезней. Однако чем эти болезни хуже новых недомоганий, особенно при условии полного отказа от терапии, противники возвращения еще не позабытого старого пока не сказали.

Владимир Руднев,

ведущий научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства и судоустройства ИЗиСП при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент

— Во-первых, возвращение судом дела прокурору, когда оно только поступило в суд (и еще не начато рассмотрение по существу), допустимо, если действительно существуют препятствия к его рассмотрению судом. Однако такое новое основание, как «наступление новых общественно опасных последствий», может расцениваться очень широко и привести к неоправданно широкому количеству случаев возращения дел прокурору и т.д. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы такие дела были предметом рассмотрения судами и из судебного заседания возвращались прокурору. Сейчас такая тенденция есть.

Во-вторых, пока по существу действует старая система расследования и функции прокурора не изменились. Кто отвечает за обвинение, за обвинительное заключение в прокуратуре? Всегда ли прокуроры знакомы с уголовным делом? Разве правильно, что один прокурор направляет дело в суд,

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06

а другой может в суде отказаться от обвинения? В такой ситуации будут страдать интересы потерпевших, которым придется ждать, когда же дело передадут в суд. Вроде бы о них заботятся, но получается все наоборот. Надо, чтобы один прокурор вел дело от момента предъявления обвинения до приговора суда. Нельзя, чтобы у прокуроров были различные позиции. Не надо направлять дело в суд, если существуют противоположные мнения о его судьбе.

В-третьих, существует институт следственного судьи, который мог бы снять ряд вопросов до направления дела в суд. Тогда проблемы с доследованием, может, и не было бы. Но следственные судьи у нас никак не появятся, хотя они уже есть в Прибалтийских странах и на Украине.

Александр Петров,

адвокат Юридической фирмы «ЮСТ»

— Следует учитывать, что УПК РСФСР 1960 г. предусматривал возможность возвращения дела для дополнительного расследования практически по любым основаниям, и в первую очередь в целях устранения ошибок и недоработок следствия. Противники такого порядка обоснованно указывали, что суд при этом становится на сторону обвинения, поскольку фактически объясняет следователю, что нужно сделать, чтобы доказательств обвинения было достаточно для вынесения обвинительного приговора. В то время как суд, будучи объективным, беспристрастным и независимым, при недостаточности обвинительных доказательств должен выносить оправдательный приговор.

Следует отметить, что отказ от института доследования не принес ожидаемых результатов и суды не стали выносить больше оправдательных приговоров. Наоборот, сильно снизилось качество следствия и направляемых в суд дел, поскольку ранее возвращение судом дела на «дээс» считалось показателем крайне низкой работы следователя и, как правило, влекло весьма серьезные дисциплинарные наказания как для него самого, так и для его руководства. Не стало доследования — не стало наказаний. При фактическом отсутствии оправдательных приговоров в суд можно направлять все что угодно.

Однако принятая норма отнюдь не возвращает ранее существовавший порядок. Основаниям для возвращения дела на дополнительное расследование фактически являются те же основания, что и для отмены приговора по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Например, обвиняемый причинил потерпевшему тяжкий вред здоровью, в результате чего потерпевший умер после окончания следствия и направления дела в суд. Суд не может перейти на более тяжкую квалификацию содеянного и вынужден выносить приговор по предъявленному обвинению. Вряд ли такой порядок можно считать разумным и справедливым. Принятая норма призвана эту ситуацию исправить.

Остается лишь надеется, что правоохранители не придумают способов злоупотребления данной нормой.

Loaded: 12-07-2025 AMt 10:38:06